

подъем активности сельской интеллигенции, который выразился в организации новых собраний, конференций, объединений и обществ. С другой стороны, сельская школа становится частью государственной политики, попадая под контроль партийно-правительственного аппарата.

И.С. ЦЫРЕМПИЛОВА

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ЕПАРХИЯ В ПЕРИОД ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ (1920–1922 гг.)

В современных реалиях научное изучение взаимодействия религии и политических процессов имеет особую значимость для понимания сложившихся социально-культурных практик в стране. В 1920-е гг. региональные геополитические и историко-культурные особенности определяли и специфику государственно-церковных взаимоотношений.

На территории Забайкалья международная, политическая, экономическая и военная ситуация привела к образованию независимой демократической Дальневосточной республики (ДВР). ДВР была провозглашена 6 апреля 1920 г. и в ее состав вошли Амурская, Забайкальская, Приморская, Сахалинская и Камчатская области и полоса отчуждения КВЖД. На учредительном съезде республики (12 февраля 1921 г.) был обнародован акт об образовании ДВР и принята ее Конституция (27 апреля 1921 г.) (*Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. Т. 1: Общий очерк. Новосибирск, 2000. С. 66*).

За годы Гражданской войны структура Забайкальской епархии не претерпела кардинальных изменений, сохранив количество благочиний, культовых зданий и монастырей. При этом Забайкальская епархия испытывала внутренний кризис, связанный в первую очередь с управлением. В конце июня 1920 г. Забайкальская епархия осталась без архиерея: епископ Забайкальский и Нерчинский Мелетий (Заборовский) неожиданно выехал в Китай (Харбин) и отказался вернуться в Читу, поскольку руководство ДВР никаким образом не отреагировало на вопрос о гарантии безопасности. Это достаточно осложнило работу, так как наиболее насущные церковные вопросы приходилось решать, совершая поездки в Харбин на рассмотрение и утверждение епископа Мелетия (*ГАЗК, ф. р.-422, оп. 2, д. 26, л. 228*). Епископ Мелетий при этом передал часть своих функций Забайкальскому епархиальному совету во главе с его председателем протоиреем Сергеем Старковым.

Положение религиозных институтов в ДВР определялось статьями Конституции (ст. 13, 14, 18), согласно которым церковь отделялась от государства. Государство освободило себя от заботы по удовлетворению религиозных потребностей граждан, декларировав вместе с тем

свободу совести, и обеспечив, таким образом, право церкви на самоопределение во внутренней ее жизни. При этом, как отмечалось в докладе Забайкальского епархиального совета «О положении церкви в Дальневосточной республике», церковь «мыслится институтом частного-правового характера», а в законах ДВР нет определенности в термине «конкретно нисколько не уясняющего правового положения церкви в ДВР» и этим объясняется то, что «до сего времени государство и церковь не могут найти общего языка» (ГАЗК, ф. р.-422, оп. 2, д. 689, л. 5об.).

Точка зрения Забайкальского епархиального совета по данному вопросу была сформулирована в следующей редакции: «Церковь представляет собой общество верующих, объединенных в один союз, управляющийся своими церковными законами... Отсюда всякая попытка со стороны, имеющая что либо изменить в богослужении или управлении Церкви, должна рассматриваться, как нарушение свободы совести православных людей и Церкви в целом. С этой точки зрения, и отделение церкви от государства должно пониматься не в смысле только лишения церкви известных преимуществ в законе и низведение ее на положении частного-правового института, но и в смысле ее независимости в областях внутренней и внешней жизни, т.е. не только культа, но и управления» (Там же. Л. 6). Прот. Ф. Титов дал емкую оценку современному положению церкви: «Конституция приемлема, при которой, однако, жизнь невыносима» (Там же. Л. 7). Такая оценка сложившейся ситуации являлась следствием того, что представители государственных органов позволяли вмешиваться во внутренние дела церкви.

О фактах вмешательства местных органов власти во внутрицерковные дела свидетельствуют доклады с мест. Так, в 1921 г. в Черемховском селении церковные вопросы зачастую выносились на обсуждение сельских и волостных собраний, которые избирали «кандидатов на священно-церковно-служительские должности»; Кокуйский волостной совет требовал обязательного участия представителей органов власти в заседаниях приходских собраний (ГАЗК, ф. р.-422, оп. 2, д. 689, л. 6об.). Имели место случаи, когда нарревкомы не отпускали на новые места службы священников, переводимых туда епархиальной властью, не соглашались с назначением к ним духовенства, не давали разрешения на проведение благочиннических съездов, расформировывали некоторые причты (Косых В.И. *Забайкальская епархия в 1908–1923 гг. Чита, 2007. С. 170*).

Одной из составляющих отделения церкви от государства стало решение вопроса об актах гражданского состояния. В январе 1921 г. народно-революционный комитет Забайкальской области ввел вместо церковного гражданский брак. 3 октября 1921 г. правительством ДВР первоначально был принят закон «Об актах гражданского состояния», а 27 июля 1922 г. — закон «Об изъятии архивов из вероисповедных учреждений». На места в срочном порядке была разослана инструкция о

проведении в жизнь закона за подписью министра внутренних дел ДВР Петрова (*ГАЧО, ф. р.-25, оп.1, д. 132, л. 3, 63*).

Согласно этим законодательным актам прекращалась дальнейшая деятельность вероисповедных учреждений по записи актов гражданского состояния, все дела, книги, документы и соответствующая переписка передавались в ведение местных отделов. Данная передача «должна была быть учинена в течение 2-х недельного срока со дня получения инструкции». Лица, нарушающие или препятствующие исполнению данных законов, подлежали «ведению политического и народного суда», «законной ответственности». Такие жесткие сроки были обусловлены тем что, как указывалось в переписке административного отдела областного управления с МВД, эта работа «несмотря на все усилия самоуправлений, проводится очень и очень слабо», а также «теми противодействиями церковного духовенства и его приверженцев из побуждений материального свойства» (*Там же. Л. 3*).

На практике, естественными были препятствия не только со стороны священнослужителей, но и со стороны самих верующих, связанные в первую очередь с непризнанием гражданских записей вместо церковных. Также следует указать, что местные отделы обязаны были взыскивать сборы за выдаваемые документы до 3 р. 50 к. золотом, в то время как «некоторые попы понизили сборы за справки до бесплатности «назло административному соседу» (*Там же. Л.11*). Но уже после принятия закона об изъятии архивов, данный вопрос был решен в пользу государства. Результатом этих акций стало изъятие областной регистрационной камерой материалов Забайкальской епархии (метрические книги с 1722 по 1921 гг.) в количестве 4 854 книг (*Там же. Л. 114*).

На деле имелись факты превышения полномочий местных органов власти в деле регистрации актов гражданского состояния. В Забайкальской епархии звучали со стороны регистрационных камер требования, чтобы священнослужители при совершении крещений, бракосочетаний, погребений получали разрешение от органов государственной регистрации. Такой случай был зафиксирован в Александровском заводе, когда местная регистрационная камера требовала при регистрации новорожденных младенцев обязательного присутствия отца и матери и уплаты 50 к. золотом на канцелярские расходы. Кроме того, за выдачу справки для предъявления причту о регистрации взималось 1 р. 50 к. золотом на гербовый сбор.

Забайкальский епархиальный совет просил МВД ДВР дать распоряжение уездным управлениям «о нечинении препятствий к крещению детей», так как «не находя в законах ДВР оснований для того, чтобы на совершение причтами таинства крещения как дела для государства частного требовалось представление, причем оплаченного гербовым сбором» (*ГАЗК, ф. р.-422, оп. 2, д. 606, л. 1–6*). Забайкальским областным

управлением 14 августа 1922 г. было сделано соответствующее распоряжение за № 3428 уездным управлением.

При этом Забайкальский епархиальный совет сделал распоряжение о необходимости причтам вести в каждом приходе записи актов крещений, благословений, венчаний и отпеваний православных христиан, т.е. актов чисто религиозного значения. Ведение таких записей не противоречило Конституции ДВР, гарантирующей полную свободу совести (*Там же. Л.8*). Таким образом, решался вопрос о лишении юридической силы права всех религиозных учреждений на ведение актов гражданских состояний и передаче их местным властям.

Достаточно напряженно решался вопрос о религиозном просвещении. 29 ноября 1920 г. было принято постановление правительства ДВР «Об отмене преподавания религиозных предметов в учебных заведениях» (*ГАЗК, ф. р.-32, оп. 1, д. 1, л. 2*). Запрещалось преподавание религиозных верований во всех государственных и общественных, а также частных заведениях, за исключением специально учрежденных школ для религиозного воспитания. Мотивация заключалась в том, что религия — дело совести каждого человека, государство оставалось нейтральным, не поддерживая ни одну из конфессий. Поэтому государство в ДВР, как и в РСФСР, не собиралось брать на себя религиозное воспитание детей, что и было закреплено в пункте 175 Конституции ДВР (*ГАЗК, ф. р-422, оп. 2, д. 26, л. 24*).

Забайкальская епархия воспользовалась возможностью преподавать Закон Божий вне стен школы: в 1920–1921 гг. занятия проводились во внеурочное время в приходских и домовых церквях г. Читы. Занятия проводились как клириками, так и учителями. На Забайкальском епархиальном собрании духовенства и мирян, проходившем в июне–июле 1921 г., было принято решение ходатайствовать перед правительством ДВР о разрешении преподавать Закон Божий во внеурочное время в школах (*ГАЗК, ф. р-422, оп. 2, д. 558, л. 12*).

Здания же духовных учебных заведений всех вероисповеданий переходили как народное достояние в распоряжение местных Советов или НКПроса. Однако, эти здания могли быть предоставлены в арендное или иное пользование лишь на общих основаниях и с веденя НКПроса (*ГАРБ, ф. р-60, оп. 1, д. 19, л. 2*). Это встретило сопротивление как со стороны служителей культов, так и со стороны самих верующих. Так, родители учащихся Мухоршибирской школы на своем собрании 1 декабря 1921 г. единогласным решением постановили: перед началом и после окончания занятий зачитывать молитву, а желающим вести преподавание Закона Божьего в стенах школы (*ГАЗК, ф. р-422, оп. 2, д. 711, л. 47*).

Происходившие изменения потребовали редакции статей приходского Устава, которая была осуществлена на заседаниях Забайкальского епархиального собрания духовенства и мирян 1922 г. Так, в новой редак-

ции Устава «церковно-приходские учебные заведения» были заменены на «вероучительные школы», в которых могли преподаваться «Закон Божий, богослужебный язык, церковное пение и связанные с ними другие вспомогательные предметы». Также было закреплено содержание вероучительных школ за счет церковных и приходских средств, пособий частных учреждений, пожертвований отдельных лиц и общеeparхиальных средств (ГАЗК, ф. р-422, оп. 2, д. 689, л. 10).

Продолжавшееся руководство Забайкальской епархией епископом Мелетием из Харбина существенно осложняло ее деятельность. В связи с этим епархиальное собрание 1921 г. сочло крайне необходимым «иметь Епископа в Епархии» и выбрало кандидатов на должность викария: преосвященного Бориса и кафедрального протоиерея Сергея Старкова. Из предложенных епископу Мелетию кандидатур выбор пал на Преосвященного Бориса, но он получил назначение в Уфу.

После этого Священный Синод назначил прот. С. Старкова на должность викария с поручением ему управления Забайкальской епархией. Прот. С. Старков отбыл в Харбин, где 19 марта/1 апреля 1922 г. за всеобщим бдением, совершавшимся в Благовещенском храме Пекинского подворья, принял иноческий постриг с именем Софроний в честь свт. Софрония, епископа Иркутского. После он был возведен в сан архимандрита, 8/21 апреля 1922 г. состоялась его хиротония в епископа Селенгинского. А уже 2 мая Преосвященного Софрония встречало огромное количество православного населения г. Читы.

Между вновь избранным Преосвященным Софронием и епископом Мелетием были разграничены обязанности. Епископ Мелетий оставил за собой переписку с высшей церковной властью, а «дела наградные, судные всего духовенства, назначения и перемещения на протоиерейские и священнические места в городах епархии, утверждение протоколов епархиального собрания и открытие новых приходов и все остальные дела» были переданы в ведение епископа Софрония (ГАЗК, ф. р-422, оп. 2, д. 689, л. 11об.–12).

Достаточно остро стоял вопрос о кадровом составе духовенства Забайкальской епархии. Так, на епархиальном собрании 1921 г. отмечалось большое количество незаполненных священнических вакансий в приходах: часть их добровольно ушла заштат в надежде переждать тревожные времена, обезопасить себя. Продолжалась утечка духовенства в Китай, и клирики делали это по причине резкого неприятия политического режима в ДВР, из-за конфликтов с местными властями, включая военных, в меньшей степени — из-за неурядиц личного характера с прихожанами (Косых В.И. Указ. соч. С. 169).

Нехватка священников была вызвана и продолжавшимися репрессиями духовенства. Так, в январе 1921 г. местные власти с. Нарын арестовали священника К. Сукнева «за агитацию против большевиков»;

священника с. Харацай Д. Зуйков арестовали за «контрреволюционную деятельность». Протоирей Казаков из г. Троицкосавска был арестован «за участие в решении городской Думы ввести китайские войска в 1920 г.», иеромонах Виталий Носов — за агитацию против советской власти, «присидел вместе с настоятелем (Троицко-Селенгинского монастыря) Рафаилом и другими иеромонахами Петром и Герасимом до 1922 г.», псаломщик Укырской Спасской церкви Павел Грозов был арестован «за распространение вредных агитаций». 28 января 1922 г. был арестован священник Аргунской церкви Стефан Стуков за организацию преподавания Закона Божьего в своем приходе (ГАЗК, ф. р.-422, оп. 2, д. 26, л. 140, 227, 300, 390, 440; оп. 2, д. 709, л. 6–8; оп. 1, д. 35, л. 66, 11; оп. 2, д. 689, л. 60б.)

В Аргунске был убит и.д. благочинного, священник М. Шульгин, «его квартира, собор и канцелярия в Нерчинском заводе подвергались неоднократному обыску под предлогом отыскания оружия»; арестован и препровожден в Нерчинско-заводскую уездную милицию священник Култуминской церкви Ф. Шастин. 15 апреля 1922 г. в Александровском Заводе была брошена бомба в прот. Г. Писарева; в марте в с. Шахтаминском бойцом Белоусовым был убит священник И. Чурсинов; в с. Илимское «в четверг на Пасхальной неделе неизвестным убит выстрелом из револьвера через окно своей квартиры священник Н. Прокофьев» (ГАЗК, ф. р.-422, оп. 2, д. 211, л. 107–108об.).

Епархиальное собрание 1922 г. имело по этому поводу суждение, что «терроризирование духовенства местами носит систематический характер» и полагало, что указанные факты «в значительной степени связаны с антирелигиозной пропагандой, которая иногда выливается в некультурные формы, влечет за собой печальные результаты, и, таким образом, идейная борьба, основанная на гарантированной свободе слова, переходит в простое истребление грубо-материальными средствами незащищенной стороны» (Там же).

Также продолжались процессы по делам духовенства, активно сотрудничавшего с белыми. Известным стало дело священника Л.К. Подгорбунского, которое рассматривалось 13 и 14 февраля 1922 г. в открытых судебных заседаниях политического народного суда ДВР. Л.К. Подгорбунский обвинялся в участии в порке и расстрелах крестьян. Суть дела заключалась в следующем: «В начале 1919 г. по его инициативе явился карательный отряд харчен и бурят, который арестовал и подверг порке 40 чел. Кроме того прибыл отряд Тирбаха и произвел расправу — большую часть выпороли и гоняли нагайками по улице, причем одного изрубили в куски, другого закололи штыками». В рассмотренном деле имелся обширный следственный материал, письменные и свидетельские показания (50 чел.), протоколы общего собрания Тургинской волости и др. Суд, «руководствуясь революционной совестью», приговорил обвиняемого к пяти годам тюремного заключения без зачета предварительного до суда

заклучения (ГАЗК, ф. р.-422, оп. 2, д. 211, л. 33). Находясь в тюремном заключении, Л.К. Подгорбунский был назначен настоятелем тюремной церкви с обязательным ведением церковных служб, делопроизводства и выдачей заключенным метрик. 6 апреля 1922 г. епархиальный совет утвердил священника Подгорбунского в этой должности.

Кадровый голод, проблемы материального обеспечения духовенства наряду с административным давлением местных органов на религиозные институты и разворачивавшейся антирелигиозной пропагандой сказывались на морально-нравственном состоянии православных верующих. В качестве эффективных мер епархиальное собрание (1921, 1922 гг.) требовало усилить действенность богослужений — «истовое совершение богослужений, усиление его интереса и влияния на верующих через: а) общенародное пение; б) живое слово пастырей; в) привлечение детей к участию в богослужении чтением и пением...» (ГАЗК, ф. р.-422, оп. 2, д. 689, л. 20). Также предлагалось расширить употребление русского языка, развивать приходскую благотворительность, проводить внебогослужебные собеседования, устраивать чтения религиозно-нравственной литературы и др.

10 ноября 1922 г. Забайкальская область была преобразована в губернию. 14 ноября 1922 г. правительство ДВР сложило свои полномочия и народное собрание передало всю власть Дальневосточному революционному комитету (Дальревкому). 15 ноября 1922 г. ДВР прекратила свое существование, а на всей ее территории была установлена советская власть. Произошедшие политические и административно-территориальные трансформации определили кардинальное изменение положения РПЦ как социального института.

С.А. ШАЛАМОВА

**УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ МОЛОДЕЖИ
ГУБЕРНСКИХ И ОБЛАСТНЫХ ЦЕНТРОВ
ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ
(по материалам переписи 1897 г.)**

Развитие капиталистических и буржуазных отношений в сибирском обществе на рубеже XIX–начала XX вв. было невозможно без обмена технической, коммерческой и прочей информацией, без грамотных предпринимателей и квалифицированных кадров рабочих и служащих, что в свою очередь, требовало широко развитой сети учебных заведений в городах. В силу своего возраста и положения в обществе, именно молодежь активнее включалась в образовательный процесс и в профессиональную деятельность, и могла влиять на экономические и социокультурные процессы в сибирском регионе. Данные переписи 1897 г.